

А.И. Соловьев

СЕТЕВАЯ ЭТИКА ПРАВЯЩЕГО КЛАССА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В статье раскрывается роль этических норм и принципов политико-административных сетей в механизмах принятия государственных решений в современной России. Показывается, что комплекс этических ориентиров ряда таких ассоциаций не только оправдывает и направляет их управленческую деятельность, но и переключает активность государственных институтов на корпоративные и партикулярные интересы правящего класса. Этот этический комплекс способствует распространению принципов негражданственности, препятствует формам общественного контроля за управленческой деятельностью, влияет на символическую политику правящего режима в целях умиротворения общественного мнения. В этой связи определяются задачи, которые стоят перед российским обществом в части преодоления пагубного влияния сетевых ассоциаций.

***Ключевые слова:** сети, этические нормы и принципы, правящий класс, политические элиты, государственное управление, административная рента, коррупция, гражданская активность.*

Государственное управление было и остается высшей формой политического процесса, скрывающего в своей структуре наиболее важное для общества ядро его взаимоотношений с властью, а именно — механизм принятия решений. В то же время практический опыт убедительно показал, что формально-правовые, институциональные параметры этого процесса не вполне адекватно отражают его существо, изначально пронизанное многочисленными неформальными связями¹. Именно эти неинституциональные, субъективные факторы организации политико-административных процессов определяют не только формы, но и характер функционирования государства, а нередко и основные механизмы саморазвития политической сферы.

Понятно, однако, что неинституциональные характеристики взаимодействия управляющих включены в сложную комбинацию полити-

¹ См.: *Morçöl G. Decision Making: An Overview of Theories, Contexts, and Methods // Handbook of Decision Making / ed. by G. Morçöl. Boca Raton: CRC/Taylor & Francis, 2007; Соловьев А.И. Принятие и исполнение государственных решений. М.: Аспект Пресс, 2014 и др.*

ко-административных институтов и возникающих естественным образом в деловом пространстве сетевых конструкций, организующих кооперацию и координацию игроков, обладающих как статусными, так и фактическими позициями в управлении государством. При этом именно сетевые конструкции следует признать наиболее влиятельными игроками в системе государственного управления¹. Ведь практически во всех случаях именно сетевое влияние способствует привлечению или «отвлечению внимания» государства «от конкретных вопросов», в итоге определяя, какие вопросы должны попасть или не попасть «в верхние строчки политической повестки дня»². В развитии своих возможностей эти «невидимые обществу» коалиции (нередко функционирующие «с минимальным участием политиков и высших государственных управленцев») контролируют «вопросы на уровне государства» и доминируют при решении конкретных проблем³.

Иначе говоря, в зоне принятия решений сети представляют собой те сегменты правящего класса, которые обладают решающим влиянием на формальные центры государственной власти (а следовательно, являются и самой властью). Взаимодействуя с формальными структурами, соединяя статусные и нестатусные позиции своих членов, сети превращаются в некие «переплетенные институты» (Н. Лауманн, У. Кноке), играющие ключевые роли на разных социальных аренах. При этом они действуют не как «опосредующие власти» или «промежуточные тела» между государством и обществом (Ш. Монтескье), а как ассоциации, для которых не существует понятий срединности, представительности чьих-то, помимо собственных, интересов, а следовательно, и понятий партийной или политической ответственности, а подчас и гражданско-го долга.

Сетевые ассоциации создают в управлении государством особую социальную ткань, ту проникающую во все уголки целеполагания систему взаимодействий, которая подтягивает в зону принятия решений только тех игроков, которые обладают определенными ресурсами и придерживаются неформальных договоренностей относительно ре-

¹ См.: Михайлова О.В. Сети в политике и государственном управлении. М.: Университетская книга, 2013.

² Cairney P. Understanding public policy: theories and issues. Houndmills, Basingstoke, Hampshire; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2012. P. 8.

³ Ibid. P. 12.

шаемой задачи. Благодаря неформальным основаниям самоорганизации сети образуют не жесткие «кольца Сатурна», а весьма подвижные конструкции, которые динамично меняют как свои внутренние коммуникации (от сговора до конфликта), так и реальные диспозиции в процессе принятия государственных решений.

Однако деловой функционал сетей зависит не только от их позиционирования в зоне принятия решений, но и от *направленности* целевого распределения ресурсов. Ведь в конечном счете сети и являются перераспределительными коалициями, направляющими потоки государственных ресурсов по нужным социальным адресам. Именно для этого они и выстраивают сложные цепочки целеполагания, осуществляя направленные инвестиции социального и политического капитала в кооперативные связи своих агентов и государственных институтов.

Понятно, что сама возможность выбора различных траекторий для ресурсных потоков придает сетевому функционалу извечную неопределенность, а следовательно, и обуславливает постоянную непросчитываемость фактических действий этих альянсов и коалиций. Собственно, это положение и демонстрирует принципиальную роль субъективного фактора, который профилирует сетевую активность, придавая ей четкую социальную направленность.

В целом функциональная мощь сетевой субъективности обладает бинарным характером, т.е. содержит внутреннюю развилку их деятельности, демонстрирующую способность этих ассоциаций либо к учету общегражданских интересов, либо к их игнорированию. Так, сети (используя сговор, сделки, манипуляции, выборочное применение законов и даже физическое устранение конкурентов) могут превратить систему государственного управления в структуру прикрытия своих узко групповых целей. В этом случае в своем логическом пределе сетевое могущество правящего класса, способно превратить государство в «стационарного бандита» (М. Олсон) или в централизованную и внутренне дифференцированную организацию рэкетиров, контролирующих производство услуг безопасности на данной территории (Ч. Тилли)¹. Между тем логика сетевых действий может создать все возможности для необходимого обществу устранения административных барьеров на

¹ См.: *Tilly Ch. War Making and State Making as Organized Crime // Bringing the state back in / ed. by P.B. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skocpol. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1985.*

пути реализации общегражданских интересов и наиболее полного выражения целей социально справедливой государственной политики.

И хотя следует признать, что органическая слабость организационного контроля в государстве (практическая невозможность наложения каких-либо существенных ограничений на неформальные контакты в правящем классе) в основном активизирует внутригрупповые и партикулярные ориентиры сетевых сообществ, все же чисто теоретически нельзя исключать и общесоциальной направленности их активности.

В то же время, признавая принципиальную роль субъективных оснований сетевой деятельности, нужно подчеркнуть, что их содержание (ценностные ориентации, морально-этические принципы, психологические установки и пр.) в основном обусловлено тем, что сети как управленческие ассоциации основаны на временных, неформальных договоренностях и потому представляют собой совокупность определенных *контрактов*, исполняемых заинтересованными агентами. И именно через эту предметную призму преломляются все представления о самосохранении ассоциаций (обеспечении безопасности), целесообразности совместных действий, а также иные воззрения. Так что именно цель и стоящие за нею ресурсы профилируют любые представления сетевых участников.

Таким образом, проектный профиль деятельности побуждает у сетевых агентов не абстрактные, а *инструментальные* ценности (М. Рокич), т.е. те идеи и верования, которые обладают *регулятивным* характером (Р. Будон) или, другими словами, обуславливают границы допустимых для них действий и используемые ими методы достижения цели. Проектная одержимость или инструментальное смыслонаделение целей, собственно, и обуславливает мобилизационный характер действий участников сети. Будучи реальными, а не номинальными проектировщиками решений, они закладывают в них те смыслы и представления (демонстрирующие отношение их участников к своим фактическим позициям), которые *de facto* становятся ориентирами деятельности государственных институтов.

Благодаря этой ориентации сетевые коалиции в большей степени озабочены определением *средств* получения искомого результата, предоставляемых им в рамках их коридора возможностей. В силу этого принципы и установки сетей в большей степени сориентированы не на понимание того, *что* им (а следовательно, и государству) необходимо делать, а на то, *как* достичь собственных интересов наиболее опти-

мальным и безопасным для себя образом. Другими словами, тот факт, что смысловые образы и ориентиры сетевых сообществ уточняются сугубо конъюнктурным образом (что одновременно аттестует сети как результат непрерывной конференции их участников, постоянно оценивающих и переоценивающих свои реальные возможности), объективно ограничивает возможности стратегического проектирования в государстве, сужает его долгосрочные управленческие перспективы.

Подчеркнем это положение еще раз: сетевая этика формируется не в связи с пониманием возможностей реализации собственного проекта (в сочетании с состоянием или перспективами движения общества), а исключительно с озабоченностью тем, *как* использовать имеющиеся возможности для реализации групповых промыслов в сложившейся ситуации. Такой смысловой рефрен не только исключает моральный выбор при постановке целей (вариативность соотнесения групповых и общественных целей), но и занимает нейтральную позицию по отношению к развитию и иным параметрам общественного порядка (впрочем, кроме стабильности). Поэтому для сетей деловым приоритетом является не конструирование нового, не расширение горизонта будущего, не установка на развитие, а стремление к воспроизводству сложившегося порядка и перераспределение ресурсов. Закладываемая в основании национальных стратегий сетевая этика становится инструментом профилирования государства по преимуществу на перераспределительный тип функционирования.

Конечно, чисто теоретически следует признать, что этическая миссия сетей, состоящая в поддержании корпоративных целей, может находиться в различных отношениях с общегражданскими интересами и даже, в случае частичного совпадения, может открывать серьезные перспективы для развития государства и общества. Однако опыт показывает, что это весьма нечасто встречающиеся варианты.

По сути, сетевая этика — это та форма эволюции общественной морали, которая не способна преодолеть границы корпоративного видения (и внутреннего оправдания) общегражданских интересов. Это форма этического видения общества и его интересов через призму группового сообщества, малой контактной группы, где нет отщепенцев и оппортунистов, выпадающих из коллектива, нацеленного на конкретный результат. В то же время абсолютный приоритет целедостижения (и одновременно конкуренции с другими коалициями) формирует в сетях тот круговой контроль и внутренний надзор (в виде

«братской помощи»), который заменяет и моральные, и правовые ограничители.

Причем преобладающая ориентация сетевых сообществ на средства достижения цели не предполагает активизацию всего духовного потенциала своих участников, и потому эти ассоциации не стремятся подмять под себя личную жизнь человека. Поэтому в сетях складывается «однобокая» индивидуальность агентов, предполагающая исключительную ориентацию на достижение групповых целей. Такой функциональный интерес к актору отражает установку не на то, чтобы совместно жить (существовать, коммуницировать, общаться), а всего лишь на совместное решение конкретной задачи. В силу этого сетевая идентификация участников ограничивается конкретным «деловым партнерством», в значительной степени нивелирующим нормы общественной морали, понятия права и даже персональный эгоизм.

Конечно, сетевая этика как комплекс инструментальных, морально оправданных установок конкретных действий не является механическим отражением корпоративных интересов. Сетевым представлениям также свойственна и определенная нелинейность в формировании представлений, и многообразие, и внутренняя неопределенность. В этих воззрениях в той или иной степени резонируют институциональные нормы и публичные ценности. Однако при всех вариантах здесь преобладает «кодекс товарищества», закон делового «братства», той «команды», интересы и действия которой направлены против конкурентов и чужаков¹.

В этом смысле крайне важно понять, что у сетей как первичной формы самоорганизации правящего класса всегда существует возможность либо стать *релевантными представителями элиты* (как ответственной структуры, обеспечивающей связи государства и общества, превращающей их «вершины» в полноценных политических лидеров), либо превратиться в *теневой механизм корпоративного эгоизма*, игнорирующего принципы гражданского сообщества (и снимающего все моральные ограничения вплоть до оправдания использования террора).

Иначе говоря, сам факт наличия сетей как естественной платформы принятия государственных решений не говорит о характере их деятельности, способности инвестировать в этот процесс тот или иной социаль-

¹ Бочаров В.В. Российская власть в политико-антропологической перспективе // Полис. 2011. № 6. С. 89.

но-политический капитал. Так что сетевой ландшафт, складывающийся в зоне принятия решений, следует рассматривать как своеобразную форму контактов внутри правящего класса, формирующих в государстве некую коммуникативную конструкцию, которая может придавать государственной власти как общественный, так и антиобщественный характер. Действуя в границах определенных арен и озвучивая свои решения в качестве государственных, сети являются глашатаями государственной политики (за которую они по сути не несут ответственности). И в этом смысле за сетями следует признавать статус не эпифеноменальных структур власти и управления, а самой власти.

Очень важно понять, что сетевая архитектура принятия решений демонстрирует, что государственное управление в принципе *не обладает единой социальной направленностью и не гарантирует сохранение в государстве общественного характера власти* на его суверенной территории. Сила этих автономных структур способна переориентировать деятельность его институтов, подчинив официальные нормы корпоративным ценностям и даже поглотить гражданские основания государственной власти.

В любом случае можно констатировать, что благодаря своим субъективным основаниям сети способны ломать логику функционального (представительского) взаимодействия государства и общества, превращаясь в главный тумблер, переключающий деятельность государственных органов на общественные интересы с частных и наоборот. Причем такие возможности сохраняются у сетей на любых социальных площадках, в том числе и наднациональных, на которые распространяется их фактическое влияние. В этом смысле национальные государства — это те же частные арены, которые контролируются менее ресурсно обеспеченными и низко позиционированными сетями (по сравнению с коалициями, способными влиять на центры принятия решений глобального и трансграничного уровня).

Сказанное позволяет констатировать, что сети — это референт государства как актора, принимающего решения, как структуры, которая в рамках своей активности перераспределяет ресурсы и статусы. Сетевые сообщества не несут ответственности перед обществом, но именно они определяют реальный режим правления, формируя ту управленческую реальность, которая свидетельствует о фактических принципах и приоритетах государства. И это неудивительно, ибо, действуя внутри и поверх институтов государственного управления, сети отражают тот

баланс сил, который предопределяет соответствующий профиль и характер конкретных решений.

Заметим, что этот характер сетевой организации и направленность их ролевого функционала особенно заметны в переходных системах, в слабых государствах, где у общества не существует возможностей противостоять циничному переделу собственности и асимметричному перераспределению сетями общественных ресурсов. К примеру, хорошо известно, что в России за короткий срок выросла (и продолжает расти) прослойка миллиардеров, аттестующая тот рукотворный «капитализм для своих», который построили «питерцы», «друзья Путина», члены «кооператива Озеро», «силовики» и другие ассоциации правящего класса, обволакивающие официальные структуры и вертикали власти различными формами «партнерского» влияния. Не случайно нынешнее российское государство не без оснований воспринимается многими людьми всего лишь как «наиболее мощная группировка по оказанию услуг безопасности», выделившаяся на «арене борьбы коалиций и клик силовиков», а также иных корпораций, предлагающих аналогичные услуги¹.

Понятно, однако, что все сложные сетевые коммуникации, протекающие в политико-административных и бизнес-политических недрах государства, в публичной форме всегда имеют одно и то же *простое* и *позитивное* выражение: независимо от содержания преследуемых сетевыми ассоциациями целей, последние постоянно облагораживаются в формах символической политики властей, скрывая возможные риски и сигнализируя обществу об исключительно позитивной направленности действий правительства и эффективной реализации общественных благ. И такое положениешний раз показывает высокую стоимость информационной поддержки управленческих действий, также находящихся под контролем правящего класса, позиционирующего свои проекты и интересы как общественно полезные и целесообразные. Поэтому, утилизируя корпоративную мораль, сетевые ассоциации всегда сохраняют публичный образ оптимистичной и социально направленной политики государства.

Сказанное особенно важно для современной России, где в системе управления государством можно констатировать полное господство

¹ Харкордин О. Основные понятия российской политики. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 108.

сетевых, причем монопольных коалиций, деформирующих как систему госрегулирования, так и политическую систему общества. Низкая эффективность институтов власти и управления (и даже утрата частью из них своего общегражданского содержания), закрытый от общественности механизм принятия решений, декоративная система представительства гражданских интересов и непроходимая «стена согласований» для низовых инициатив, чудовищная коррупция, ритуальный характер публичных дискуссий, периодические репрессии против гражданских активистов, катастрофический разрыв в доходах и уровне жизни простых и «приближенных» к власти слоев населения — все это наглядно демонстрирует господство латентного сетевого госрегулирования.

По сути, вместо стандартных — централизованных — форм госрегулирования в России сложилось *горизонтальное саморегулирование* политико-административных сетей, каждая из которых обладает собственным доступом к правосудию, силовым ресурсам и т.д. Даже пресловутая «вертикаль власти» превратилась в средство обеспечения господствующего положения монопольных сетей, позволяющих им не только доминировать при разработке решений, но и избегать гражданско-правового контроля. Неудивительно, что, даже не претендуя на официальные привилегии, доминирующие сети просто присваивают себе те ресурсы, которые они в данный момент в состоянии присвоить.

Опираясь на опыт двух последних десятилетий, можно утверждать, что под влиянием монопольных сетей правящего класса в России сложилась «новая логика государственного управления»¹. И дело не просто в том, что официальные институты охраняют сетевые коммуникации, расширяя деловое пространство для этих коалиций (защищают сетевых агентов от правового контроля, поддерживают неформальные цепочки административного рекрутинга, ограничивающие политические места во власти для общественности, обеспечивают коммуникации сетей со спецслужбами и судебными структурами, сужают поле гражданского активизма и т.д.) и обеспечивая им дальнейшие возможности для присвоения ресурсов.

Представляется, что сегодня есть основания ставить вопрос более принципиально. На наш взгляд, сложившаяся в России ситуация свидетельствует о том, что в системе государственного управления действу-

¹ Волкова А.В. Публичные ценности и система государственного управления. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. С. 36.

ют *новые агенты*, обладающие особым функционалом и формирующие особый тип отношений государства и общества. Думается, что в этом смысле можно говорить уже не о политической элите в традиционном смысле слова, а о *постэлитарных акторах* (группе сетевых «вершин» и активистов), которые выключены из механизмов представительства общественных интересов и не связаны обязательствами перед гражданским населением. Это те агенты, которые сформировались в результате межсетевых коммуникаций в зоне принятия решений (фактического правления и распределения ресурсов), превратившихся в инструмент *внешнего* контроля за представительством гражданских интересов и разорвавших отношения «демократической подотчетности органов власти»¹. При этом для таких постэлитарных акторов в одинаковой мере неприемлема ни этика ответственности (порождаемая механизмами представительства и подотчетности в системе власти), ни этика убеждения (в силу меняющихся ориентиров в связи с каждым новым проектом).

Таким образом, управление российским государством становится сферой взаимодействия как минимум двух типов представителей правящего класса — политической (функционально ответственной перед гражданами) элиты и политико-административных (бизнес-политических) «вершин» сетевых ассоциаций. И сегодня в качестве предварительного итога этого противоборства уже можно наблюдать как российское государство постепенно превращается в набор технико-организационных средств реализации сетевых проектов, а общество — в объединение лиц, покрывающих издержки такого типа правления.

Однако не углубляясь в макрохарактеристику правящего класса, заметим, что, несмотря на эти внутренние трансформации, сети как управленческие структуры практически не идентифицированы в публичном пространстве. Понятно, что это результат официальной символической политики. Правда, выполняя функции самолегитимации правящего режима, эта информационная активность государства вступает в острый конфликт с публичными ценностями (т.е. нормативными представлениями общества о роли государства, деятельности аппарата, характере администрирования, принципах служебной деятельности госаппарата, которые позиционируют его как инструмент общественной власти). И хотя объективно заложенный в них приоритет обще-

¹ Handbook of public administration / ed. by B.G. Peters & J. Pierre. T. Oaks. CA: SAGE Publications, 2007. P. 17.

ственного блага (надежды на справедливость правления и ответственность управляющих, призвание чиновников служить не лицу, а государству и др.) должен объединять элитарные и неэлитарные слои (М. Мур), тем не менее в российском обществе эта нормативность никак не обретет «инструментальный характер»¹ в государственном управлении. Напротив, принципы сетевой этики, а пуще всего очевидная для людей «незаинтересованная преданность [чиновников, политиков, влиятельных фигур] общим интересам» (П. Бурдые) превращается для граждан в «повелевающую силу наглядного поведения» (К. Гирц) правящего класса, становясь мерилom государственных действий.

Даже за завесой официальной пропаганды люди видят демонстративное отсутствие у этих управляющих чувства вины, их неготовность откладывать на потом собственное потребление, их неограниченность в запросах и лишенный стыда эгоизм. Наблюдаемый стиль поведения управляющих и бизнес-фигур разлагает глубинные источники гражданства, в силу чего в сознании многих людей государство превращается в форму личного правления, которая утрачивает дух «отечества», где личность человека уважается, а не используется для достижения благ руководителями и их приближенными.

Впрочем, для немалого числа людей сетевые принципы становятся одним из *очагов этического притяжения*. Немало граждан (особенно испытывающих идентификационные проблемы) с готовностью перенимает нормы царящей наверху вседозволенности и безответственности «начальников», их неготовности подчиняться общим нормам и правилам. Так, в массовом сознании широко распространено отношение к коррупции как к естественному правилу игры, некоей обоснованной плате за подключение к системе распределения ресурсов. Немало предприимчивых людей заражаются и форбс-идеологией (убеждениями тех бизнесменов от политики, кто в России только зарабатывает, а деньги и семьи хранит за рубежом), увеличивая число тех, кто мечтает включиться в неподсудный механизм обретения благ.

Усугубляет ситуацию и то, что официальные идеи транслируются в массовом сознании «в чрезвычайно путаной и неясной форме»². Это

¹ Morell K. Governance and Public Good // Public Administration. 2009. Vol. 87. No. 3. P. 543.

² Шестопал Е.Б. Ценностные характеристики российского политического процесса и стратегия развития страны // Полис. 2014. № 2. С. 62.

усиливает в массовом сознании ценностный релятивизм и дезориентирует население в вопросе о подлинных целях и приоритетах власти. В обществе, где люди не могут соотнести декларации и реальную политику, «автоматически» усиливается влияние патримониальной психологии и консерватизма (причем в его фундаменталистской версии, означающей не пристрастие людей к сохранению традиций, а скепсис по отношению к демократическим нормам политической системы и развитию как таковому). Разлагая «дух гражданской нации», такая политика элиминирует чувства всеобщности из идейного пространства социума.

Коротко говоря, прикрывая сетевой эгоизм, символическая политика искажает «искусственную душу» государства, обуславливающую единство власти и населения, разрушает личную связь гражданина и правящей элиты, не позволяет людям ощущать близость интересов, внутреннее единство и позитивную направленность гражданской кооперации (хотя, заметим, это нисколько не травмирует монолитный характер сетевой идентичности, уверенно сохраняющей приоритеты корпоративного эгоизма значительной части правящего класса). Поднимаемая этой политикой волна постимперской травматической морали не дает прорасти новой системе массовых ценностей, сохраняя органическую притерпелость людей к политическому и административному произволу. Она формирует в обществе настроения диссенсуса, квазисолидарности с целями государства, углубляет раскол между культурными полюсами российского социума.

В конечном счете, сетевой госменеджмент продуцирует распространение настроений и убеждений, не столько имитирующих гражданственность, сколько демонстрирующих племенную *архаическую гражданственность*, еще не испытавшую достоинств институализации власти и общественного правления. По сути, сетевая этика, как вирус, проникая в различные сегменты массового сознания, формирует психологию *негражданственности*, разрушающую социальность как форму единства государства и общества. Этот эндогенный фактор, способствуя эрозии общественной морали и противопоставляя элитарную и народную культуры, по сути разламывает общество по его духовной вертикали. А в конечном счете, в еще большей степени снижает роль публичных структур и механизмов в управлении государством.

Рискну предположить, что если в этой атмосфере и появится новая когорта политиков, то под влиянием сетевой этики и соответствующего

стиля госменеджмента эти люди вряд ли будут способны на что-то более существенное, чем на изменение публичной риторики.

Не надо никого убеждать, что изменение сложившегося положения предполагает перестройку политической системы общества, направленную на новое позиционирование сетевых коалиций, которое не позволит им искоренить общественную направленность государственной власти и направит их влияние и силу во благо общества. Ясно и то, как можно ограничить и изжить сетевой произвол, несущий угрозу существованию российского государства. Мировой опыт показал, что это возможно путем вживления в систему государственного управления механизмов публичного контроля и надзора (расширения управленческого пространства для гражданских ассоциаций), организации механизмов политического представительства и административной подотчетности управляющих, формирования каналов массового участия и демократического дискурса, обеспечения естественного характера образования сетевых коалиций и их конкуренции (на всех площадках госрегулирования, а не в разрешенных монопольными ассоциациями зонах), обеспечения главенства официальных государственных институтов. В таком случае сетевая активность правящего класса может быть поставлена на службу государству, превратившись в эффективное средство преодоления административных барьеров, придания управленческим институтам должной гибкости и способствуя их оперативной перестройке в соответствии с вызовами времени.

Думается, однако, что такие институциональные трансформации не вполне сработают в России, где этическое мышление сетевых агентов, их субъективный профиль обусловлен не только приоритетом латентных коммуникаций в правящем классе, но и более универсальными основаниями социальной самоорганизации общества как такового, а именно — тенденцией к групповому самозакукливанию и автономизации. Это та форма взаимной дистанцированности социальных образований, которая противостоит «самоорганизующемуся гражданскому обществу» и представляет собой социум клик¹. Нельзя забывать и о том, что в России корпускуляция сетевой этики опирается и на ряд характерных для российского чиновничества культурных характеристик

¹ Хлотин А.Д. Гражданское общество или социум клик: российская дилемма // Полития. 1997. № 1 (3); Гражданское и политическое в российских общественных практиках / Под ред. С.В. Патрушева. М.: РОССПЭН, 2013.

(формирувавшихся в условиях идеологического прикрытия), в том числе неуважительного отношения к праву, подмена служебных отношений личными, боязнь публичной ответственности и др.

Особенно опасной роль сетевой культуры и этики представляется в тех случаях, когда эти (правящие!) коалиции формируются на ценностных основаниях более высокого, мировоззренческого порядка, связанных с особым пониманием патриотизма, «цивилизационной особенности» России, других общественных идеалов. В таком случае сетевая активность превращается в инструмент символического давления на любые — политические, культурные, профессиональные, гендерные и прочие — группы социума, отклоняющиеся от единственно верных трактовок любви к Родине, национальных интересов, «русской идеи», государственной идеологии, общественного блага и др. И тогда к этим «отщепенцам» морально оправданным становится применение любых средств воздействия (вспомним в данном случае и про зверства в Кампучии, и про бандеровский террор на нынешней Украине).

Кратко обобщая сказанное, можно утверждать, что раскассированные по социальным аренам различного рода сети, контролируя центры принятия решений и манипулируя ожиданиями общественности, демонстрируют свою полную бесконтрольность, а зачастую и неподсудность действий своих членов. При этом этические ориентиры сетевых агентов в еще большей степени побуждают их к расширению своих возможностей в достижении целей, укрепляют корпоративный дух и свободу выбора (даже в условиях низкой конкуренции в межсетевых коммуникациях правящего класса).

В этой связи представляется, что даже теоретически возможные перспективные институциональные изменения в системе государственного управления вряд ли смогут (хотя бы в среднесрочном горизонте развития) «победить» столь укоренившиеся в истеблишменте и в массовом сознании принципы сетевого управления. Так что в ближайшем будущем от сетевых сообществ правящего класса следует ждать не корректировки корпоративных стратегий, а всего лишь дальнейшего повышения ставок (увеличения требуемой от властей ренты, снижения законодательного контроля и усиления давления на гражданских активистов, усиления государственной поддержки деловых «товариществ» в международных проектах и пр.).

Таким образом, общим содержанием прогнозных презумпций относительно государственного управления в России является устойчивый

скептицизм и понимание органического несоответствия нашей системы госрегулирования нормам демократического общества. Этот скептицизм распространяется и на институциональную перестройку системы (предвосхищая очередной обвал административных реформ), и на динамику массового сознания россиян. Причем украинский кризис только подогревает архаические черты квазипатриотического сознания, расширяя при этом возможности сетевых сообществ к повышению автономности своих действий. И даже зреющая волна гражданского активизма вряд ли в ближайшее время развеет попечительскую власть сетевого сообщества.

Ну а испуганные «цветными революциями» и событиями на Украине отечественные элиты будут активно использовать эти события как предлог для еще большей дистанцированности от демократических стандартов политической системы, ужесточения отношения к оппозиции и, несмотря на санкции Запада, расширения собственной ресурсной оснащенности. Так что реальная перспектива будущего развития российской системы управления государством выражена простой формулой, выведенной журналистом А. Ивановым по другому поводу, но тем не менее очень точно отражающей нынешнюю ситуацию: у властей во всем спектре их усилий и деятельности выработался «очень простой критерий — свое и чужое»¹.

¹ Цит. по: Янковская Г.А. Локальный фундаментализм в культурных войнах за идентичность // Вестник Пермского университета. 2013. № 2. С. 163.